

Необходимость внедрения и эксплуатации новых технологий ставит перед правоохранительной системой задачи в области кадрового обеспечения, подготовки личного состава, а также по разработке и реализации мер стимулирования для привлечения квалифицированных специалистов.

Важными направлениями повышения эффективности работы с Big Data являются активизация государственно-частного партнерства в данной сфере, развитие и применение специализированного аналитического программного обеспечения, использование систем искусственного интеллекта и машинного обучения для повышения эффективности работы с большими данными.

Список использованных источников

1. Лахтиков, Д. Н. Технология Big Data и современные направления ее применения в правоохранительной деятельности / Д. Н. Лахтиков, А. А. Петрович // Теория и практика противодействия киберпреступности : материалы заоч. междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12 дек. 2022 / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: Д. Н. Лахтиков (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2023. – С. 118–121.

2. TADVISER Государство. Бизнес. Технологии. [Электронный ресурс] / Большие данные (Big Data) в России // Режим доступа. – [https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Большие_данные\(Big_Data\)_в_России](https://www.tadviser.ru/index.php/Статья: Большие_данные(Big_Data)_в_России). – Дата доступа: 22.01.2024.

3. Степаненко, Д. А. Использование систем искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности / Д. А. Степаненко, Д. В. Бахтеев, Ю. А. Евстратова // Всерос. криминолог. журн. – 2020. – Т. 14. – № 2. – С. 206–214.

4. Кубасов, И. А. Внедрение перспективных систем мониторинга и анализа больших данных, полученных в сети Интернет, для обеспечения деятельности оперативных подразделений МВД России / И. А. Кубасов, Л. А. Лекарь // Тр. Акад. упр. МВД России. – 2023. – № 3. – С. 154–161.

5. Павличенко, Н. В. Будущее профессии оперуполномоченный – Big Data и аналитика / Н. В. Павличенко, А. И. Тамбовцев // Тр. Акад. упр. МВД России. – М., 2020. – № 2. – С. 62–68.

Дата поступления в редакцию: 28.03.2024

УДК 393.985

В. В. Кравец, адъюнкт научно-педагогического факультета
Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: vlad.kravetz@mail.ru

НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Рассматривается проблема экстремизма на фоне активизации экстремистских организаций, движений и группировок. Акцентируется внимание на актуальности изучаемого вопроса. В рамках темы обосновывается необходимость ретроспективного анализа законодательных актов и действий правоохранительных органов. Анализируется развитие законодательства в данном ключе до обретения независимости Республикой Беларусь в 1991 г.

Ключевые слова: законодательство, экстремизм, исторический анализ.

V. V. Kravets, Postgraduate Student of the Scientific and Pedagogical Faculty
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus
e-mail: vlad.kravetz@mail.ru

NORMATIVE FRAMEWORK FOR COUNTERING EXTREMISM IN BELARUSIAN LANDS: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

The problem of extremism is considered against the background of the activation of extremist organizations, movements and groups. Attention is focused on the relevance of the issue under study. Within the framework of the topic, the need for a retrospective analysis of legislative acts and actions of law enforcement agencies within the framework of the topic is justified. The article analyzes the development of legislation in this regard before the independence of the Republic of Belarus in 1991.

Keywords: legislation, extremism, historical analysis.

Государство, способное противостоять внешним и внутренним угрозам, является гарантом надлежащей реализации прав и законных интересов граждан, общественных объединений, политических партий, иных организаций, включенных в общество. В теории государства и права государство рассматривается как властно-политическая организация общества, обладающая государственным суверенитетом, специальным аппаратом управления и принуждения, устанавливающая правовой порядок на определенной территории. С учетом вышеизложенного выделяются признаки государства. Для эффективного выполнения рассматриваемым институтом определенных для него функций (сохранения суверенитета, целостности территории, обеспечения обороноспособности, экономического и социального развития, поддержания правопорядка и др.) принимаются меры по защите от факторов, способных причинить значимый вред. К числу таких мер традиционно относятся уголовно-правовые запреты, в том числе в отношении актов экстремизма. Полагаем, что с учетом динамичности современных вызовов и угроз данные правовоположения заслуживают особого внимания законодателя.

Экстремизм как социальное и политическое явление обладает сложной и многогранной природой. Характеризуясь радикальными взглядами и методами действий, которые часто противостоят не только законам, но и устоявшимся общественным нормам, экстремизм представляет собой вызов для общества и государства. Одна из ключевых сложностей в понимании экстремизма и борьбе с ним заключается в его изменчивости и способности адаптироваться к текущим социально-политическим реалиям.

Примечательно, что само понятие «экстремизм» появилось в белорусском законодательстве только с обретением нашим государством независимости. Во все предшествующие эпохи под преступлениями экстремистской направленности фактически понимались преступления против правителя, государственной власти и социального порядка.

В связи с тем, что выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию национального законодательства в сфере противодействия экстремизму требует всестороннего анализа опыта, в том числе предыдущих поколений, полагаем необходимым рассмотреть в ретроспективе нормативное закрепление противодействия экстремизму с момента появления государственности на белорусских землях. Таким образом, должны быть проанализированы памятники права и акты законодательства, имевшие определяющее значение в сфере противодействия экстремизму в тот или иной исторический период.

В исторической науке к этому вопросу в той или иной степени обращались А. Ф. Вишневецкий [1], Т. И. Довнар [2], М. В. Довнар-Запольский [3], А. Г. Кохановский [4], В. А. Круталевич [5], И. А. Юхо [6] и другие ученые, каждый из которых внес свой вклад в формирование теоретических основ в данной области. Их исследования охватывают широкий спектр тем, включая адаптацию правовых норм к изменяющимся политическим и социальным условиям на белорусских землях в разные исторические периоды.

В качестве исходной точки такого исследования, на наш взгляд, следует рассмотреть Русскую Правду, поскольку именно в рамках этого древнерусского памятника права впервые можно выявить нормы, имеющие отношение к противодействию экстремизму.

Русская Правда не содержит статей о государственных преступлениях, а также о преступлениях против нравственности. Отсутствие первых может быть объяснено, если учитывать характер источников, из которых складывалась Русская Правда, – это обычаи и церковное законодательство. Ни в первом, ни во втором такой объект, как государство, не фигурирует, поэтому преступные посягательства на него Русской Правдой не предусмотрены [7, с. 49]. Несмотря на это, в Русской Правде содержатся нормы, которые хоть и косвенно, но затрагивают аспекты власти и управления, преимущественно сосредоточиваясь на защите общественного порядка и личной безопасности. Примером такой нормы является положение о наказании за убийство воеводы или старосты (13. «А в сельскомъ тивуне княже или в ратайнемъ, то 12 гривен») [8, с. 65]. Указанное положение предусматривало более строгое наказание за преступление против названных представителей власти по сравнению с убийством обычного человека, что отражает стремление законодателя обеспечить дополнительную защиту государственным служащим. Воеводы и старосты, выполнявшие роль местных управленцев, играли ключевую роль в поддержании порядка и законности, и их защита была важна для обеспечения стабильности и

безопасности в обществе. Современный взгляд позволяет усмотреть в этом подходе отголоски нынешнего понимания политического экстремизма. Сегодня некоторые преступления против государства рассматриваются как формы политического экстремизма. Хотя в Русской Правде не используется понятие экстремизма, уже в те времена существовало понимание необходимости защиты государственных служащих как особой категории граждан. Установление более жестких наказаний за преступления против представителей власти может рассматриваться как зачаток законодательного противодействия покушениям на государственный порядок и авторитет, что в современном контексте часто ассоциируется с экстремистской деятельностью.

Проведя анализ Русской Правды в контексте законодательного противодействия экстремизму, можно отметить, что данный памятник права имеет важное значение для эволюции правовой системы, особенно в рамках противодействия экстремизму на белорусских землях. Русская Правда, сформировавшаяся в эпоху зарождения государственности на Руси, отражает переход от примитивных форм правосудия к более организованным и систематизированным методам регулирования социальных отношений. Характерным для нее является акцент на компенсационных мерах в уголовном праве, что свидетельствует о стремлении к снижению социальных напряжений и поддержанию общественного порядка. Таким образом, Русская Правда, заложившая основы правового регулирования в регионе, представляет собой ранний этап в развитии законодательных мер по обеспечению стабильности и порядка.

На протяжении нескольких столетий Русская Правда продолжала оказывать существенное влияние на общественные отношения, складывающиеся в Великом княжестве Литовском (ВКЛ) с середины XIII в. С укреплением ВКЛ формировалась и нормативная правовая база. Крупнейшими памятниками права данного периода являются Судебник Казимира 1468 г., а также Статуты ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг.

Судебник Казимира 1468 г. не содержит норм, которые нацелены на противодействие экстремизму, но именно этот акт оказал влияние на разработку и принятие первого Статута ВКЛ 1529 г., который внес значительный вклад в защиту государственности и регулирование прав и обязанностей великого князя, обеспечивая правовую защиту от преступных угроз. Статут предусматривал обязанность великого князя сохранять территориальную целостность государства и защищать его суверенитет. Важный арт. 25 разд. I Статута ВКЛ 1529 г. запрещал великому князю, находясь в Короне Польской, жаловать или подтверждать привилеи в ее пользу, что защищало территориальный суверенитет ВКЛ. Для защиты государства были введены нормы обязательной военной службы, подробно регламентированные в разд. II Статута, который, кроме того, содержал конституционные нормы, регулирующие права и обязанности шляхты, включая обязательства по защите государства. Шляхта приобретала значительные права, такие как право свободного выезда за пределы государства, при этом ее обязанности по военной службе не прекращались [9, с. 81]. Таким образом, Статут ВКЛ 1529 г. обеспечивал правовую защиту государства от преступных угроз, регулируя обязательства по защите государства и организованность армии.

Второй Статут ВКЛ, принятый в 1566 г., представляет собой значительный вклад в развитии законодательства региона. Этот документ не только повторял некоторые из положений Статута ВКЛ 1529 г., но и значительно расширял и углублял правовую базу государства. Особое внимание уделялось унификации права на территории всего ВКЛ, что стало ответом на растущие административные и территориальные вызовы времени. Документ содержал новые нормы, касающиеся защиты великого князя и государственного суверенитета. Ограничение власти великого князя стало более четким: он не мог принимать важные государственные решения без согласия Сойма касательно вопросов начала войны, установления налогов и издания законов. Великий князь стал подотчетен Сойму и панам – Раде, что подчеркивало обязательность подчинения законам. Великий князь обязывался сохранять территориальную целостность государства и возвращать утраченные земли. Статут ВКЛ 1566 г. запрещал предоставлять иностранцам земли, должности и чины, что защищало государственный суверенитет. Создание независимых шляхетских земских судов способствовало развитию правопорядка и защите государственной целостности.

Однако вершиной правовой мысли ВКЛ стало принятие Статута 1588 г. Разработка и принятие этого акта происходили в новых политико-правовых условиях после подписания Люблинской унии 1569 г., когда белорусские земли вошли в состав Речи Посполитой. Разд. I «О персоне

нашой г[о]с[по]д[а]рьской» Статута ВКЛ 1588 г. содержал нормы об ответственности за посягательство на великого князя, членов его семьи, бунт и государственную измену, что в отношении виновного предусматривало «честь, горло и имен[ь]я тратить» (арт. III); «кто бы колвекъ с подданных наших утеклъ с паньства нашего до зѣмли неприятельское умысломъ злым на здраду а ку шкоде намъ, г[о]с[по]д[а]ру, и речы посполитой, такой честь тратить» (арт. VI) [9, с. 82]. Разд. III Статута ВКЛ 1588 г. содержал нормы конституционного права, наиболее важной из которых являлся арт. I, провозгласивший сохранение самостоятельности и независимости ВКЛ, а также неприкосновенность его границ. Принцип суверенитета был направлен на охрану территориальной целостности и неприкосновенности государства.

Важность всех вышеизложенных норм, закрепленных Статутами ВКЛ, заключалась в том, что они заложили основы систематического правового регулирования действий, направленных против государства и общественного порядка, что является ключевым аспектом в борьбе с экстремизмом. Статут ВКЛ 1529 г. и последующие изменения, внесенные в законодательство Статутами 1566 и 1588 г., особенно значимы в контексте уголовного права и конституционного устройства. Они не только регламентировали уголовную ответственность за преступления против государства и общественной безопасности, но и закрепили принципы суверенитета и территориальной неприкосновенности государства, что является важным элементом в поддержании стабильности и противодействии экстремистским угрозам.

Включение белорусских земель в состав Российской империи в результате разделов Речи Посполитой привело к распространению российского законодательства в сфере противодействия экстремизму.

Устав благочиния 1782 г. (далее – Устав) является одним из ключевых правовых актов, направленных на противодействие государственным преступлениям. Данный документ заложил основы полицейского права, установив рамки и механизмы для поддержания общественного порядка и государственной безопасности. Особое внимание в Уставе уделялось регулированию публичных собраний и активностей граждан, что было новшеством для того времени.

Одним из ярких примеров такого подхода является ст. 65 Устава, вводившая запрет на создание неутвержденных сообществ и собраний, которые могли бы нанести вред общественному благу или государственной стабильности [10, с. 7]. Эта мера была направлена на предотвращение формирования подпольных организаций, способных осуществлять антигосударственную деятельность или даже планировать государственные перевороты. Подобные положения позволяли властям оперативно реагировать на любые проявления недовольства или бунта, тем самым укрепляя царский режим и препятствуя развитию революционных настроений среди населения.

Деятельность тайных сообществ в первой половине XIX в., вылившаяся в итоге в шляхетское восстание 1830–1831 гг., а также проникновение на белорусские земли западноевропейских революционных идей потребовали от царского правительства принятия соответствующих мер, среди которых можно отметить унификацию законодательства, отмену действия Статута ВКЛ 1588 г., а также выработку общероссийских подходов по противодействию экстремизму (революционной идеологии и связанному с ней политическому террору).

Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. обособленно выделялись преступления против государя, членов его семьи и преступления против верховной власти, государственная измена. Весьма суровые наказания были предусмотрены за заговор с целью захвата власти, восстание, мятеж, пособничество во время войны неприятелю. Многие из них карались лишением всех прав состояния и смертной казнью [11, с. 55]. Такой подход к преступлениям против государственной безопасности отражает общую тенденцию к ужесточению мер в отношении любых проявлений антигосударственной деятельности и попыток свержения существующего порядка, характерную для многих государственных систем XIX в.

Соответственно, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. разд. III «О преступлениях государственных» начинается со ст. 263, в которой речь идет о запрете на совершение любого действия против жизни, здоровья и чести государя императора и всякого умысла свергнуть его с престола, лишить верховной власти и свободы [12, с. 90]. В разд. IV «О преступлениях и проступках против порядка управления» была включена гл. 6 «О тайных

сообществах и запрещенных сходбищах», в которой ст. 347 устанавливает следующее определение тайных сообществ: «общества, имеющие вредную для спокойствия или целостности государства или противоправную установленными законами образ и порядок управления цель» [11, с. 56]. Положение закона подчеркивало беспокойство властей относительно влияния подпольных организаций и нелегальных собраний, которые могли способствовать распространению революционных идеалов и подорвать установленный порядок.

В целом Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и его положения по уголовному праву отражают стремление государства того времени контролировать и подавлять любые формы антигосударственной деятельности, включая государственную измену и действия тайных сообществ. Это свидетельствует о том, что проблематика экстремизма и противодействия ему имела важное значение и в тот период, подчеркивая неизменную потребность государства в поддержании порядка и стабильности в рамках существующего политического и социального строя.

Буржуазные реформы Александра II во второй половине XIX в. привели к активизации общественно-политической жизни российского общества и появлению народничества. Со временем народничество приняло радикальные формы, включая использование политического террора как метода борьбы. Основной целью их противозаконной тактики было не только устранение отдельных представителей власти, но и демонстрация уязвимости государственного аппарата, а также попытка привлечь внимание общества к своим идеям и спровоцировать общественные потрясения, которые могли бы способствовать революционным изменениям.

После реформ 1860-х гг. уголовное законодательство продолжало совершенствоваться. В 1885 г. было принято новое Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, усиливающее защиту интересов помещиков, фабрикантов и заводчиков. Вводятся новые составы преступлений, направленных против фабрично-заводского режима на предприятиях и нарушения постановлений о торговых обществах и компаниях [2, с. 65].

Для воинских частей были изданы Воинский устав о наказаниях 1875 г. и Военно-морской устав о наказаниях 1886 г. Особенностью названных уставов было то, что дела о политических преступлениях рассматривались в военных или военно-полевых судах. Эти суды действовали в ускоренном порядке, что позволяло оперативно выносить приговоры и исполнять наказания. Подобная практика значительно расширяла полномочия военных трибуналов, создавая эффективный механизм борьбы с политическими преступлениями и восстаниями. Привлечение гражданских лиц к ответственности в военных судах усиливало контроль государства за общественной и политической жизнью, обеспечивая быстрые и решительные меры противодействия любым угрозам государственной безопасности [2, с. 65].

Государство быстро и решительно реагировало на растущую волну политического террора, стремясь обеспечить законность и порядок. В ответ на угрозы общественной безопасности и стабильности наряду с действующим Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. были приняты специальные законодательные акты для ужесточения наказаний за террористические преступления и расширения полномочий охранительных органов. Среди таких документов был Манифест о призыве всех верных подданных к служению верою и правдою Его Императорскому Величеству и Государству, к искоренению гнусной крамолы, к утверждению веры и нравственности, доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений России, известный как Манифест о незыблемости самодержавия. Равно как и Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г., этот манифест запрещал деятельность всех противозаконных организаций, особенно тех, которые активно противостояли правительству и подрывали общественный порядок. Основной целью названных правовых актов было усиление государственной безопасности и предотвращение новых террористических актов и революционных волнений [13, с. 16].

Новый этап в нормативном закреплении противодействия экстремизму связан с приходом к власти большевиков и созданием в 1919 г. первого белорусского государства – Советской Социалистической Республики Белоруссии (ССРБ). В первые годы советской власти было принято множество декретов, содержащих нормы уголовного права. Эти нормы, однако, не были согласованы между собой и создавались без системы, под влиянием сложной социально-политической ситуации, что усложняло их применение.

Со временем на основе накопленного правотворческого опыта и практики революционных трибуналов и народных судов начали вырисовываться контуры общей части советского уголовного законодательства. Результатом такого процесса стало утверждение Народным комиссариатом юстиции 12 декабря 1919 г. Руководящих начал по уголовному праву РСФСР. Этот документ обобщил правотворческую и судебную практику первых двух лет существования советского государства. Согласно Руководящим началам по уголовному праву РСФСР основной задачей уголовного права была борьба с нарушителями новых общественных условий в переходный период диктатуры пролетариата. Закон относил к таким нарушителям «классовых врагов», «буржуазные и промежуточные классы». В документе был представлен перечень обстоятельств, которые влияли на определение вида наказания, таких как принадлежность преступника к имущему или неимущему классу, мотивы преступления и его социальная опасность [2, с. 144]. Таким образом, началось создание систематизированного и идеологически направленного уголовного законодательства.

После завершения Гражданской войны и перехода к мирной жизни начинает активно развиваться советская правовая система, происходит поступательная кодификация советского права. Так, в 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР, действие которого было распространено и на территорию Советской Беларуси. Его принятие и последующие изменения в 1926 г. знаменуют собой важный этап в правовом регулировании борьбы с терроризмом и экстремизмом в советский период. Названным кодексом были закреплены положения о контрреволюционных преступлениях, включая участие в террористических актах против представителей советской власти и деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций. Важным аспектом этого законодательного акта было то, что он не содержал явного определения террористического акта, однако четко обозначал его в диспозициях правовых норм. Отсутствие прямого определения террористического акта свидетельствует о том, что в советское время терроризм и экстремизм в первую очередь рассматривались как контрреволюционная деятельность, направленная против советской власти и ее представителей [14, с. 85]. Таким образом, ключевыми признаками террористических преступлений были их цель – контрреволюционная деятельность и объект посягательства – представители советской власти или рабоче-крестьянские организации.

С 1928 г. начал действовать Уголовный кодекс БССР, который играл немаловажную роль в противодействии преступлениям антигосударственной направленности на белорусских землях. Он значительно усилил законодательную регламентацию борьбы с экстремизмом и терроризмом, что стало особенно актуальным в контексте постоянной угрозы антигосударственной деятельности. В частности, были выделены гл. II «Контрреволюционные преступления» и гл. III «Преступления против порядка государственного управления», статьи которых были направлены на борьбу с антигосударственными и террористическими преступлениями. Эти главы охватывали широкий спектр действий, признанных угрозами для стабильности и безопасности государства, отражая стратегическую ориентацию советских властей на предотвращение и нейтрализацию внутренних и внешних угроз [2, с. 84].

Гл. II «Контрреволюционные преступления» Уголовного кодекса БССР включала в себя статьи, предусматривающие наказание за такие деяния, как вооруженное восстание, террористические акты против представителей государства, распространение контрреволюционной пропаганды и другие, нацеленные на подрыв советской власти. Например, деятельность, направленная на свержение или ослабление советской власти через насильственные или другие противоправные действия, рассматривалась как особо опасное преступление, заслуживающее строгого наказания [2, с. 98].

В гл. III «Преступления против порядка государственного управления» Уголовный кодекс БССР акцентировал внимание на преступления, которые могли нарушить порядок управления и функционирования государственных институтов. Статьи этой главы преследовали цель не только наказать виновных, но и служить превентивной мерой против распространения антигосударственных настроений, включая фальсификацию официальных документов, уклонение от выполнения государственных задач и другие виды преступлений, которые могли подорвать авторитет и эффективность советской администрации. Кроме того, этот Кодекс содержал статьи, предусматривающие ответственность за организацию массовых беспорядков, что также

классифицировалось как угроза государственной безопасности. Такие меры отражали целостный подход советских властей к обеспечению внутренней стабильности и были направлены на предотвращение любых форм социального и политического дестабилизирующего влияния.

После окончания Великой Отечественной войны Советское государство продолжило совершенствовать правовую систему с целью обеспечения безопасности и стабильности. В условиях послевоенной разрухи и на фоне международной напряженности советское руководство уделяло особое внимание борьбе с экстремизмом и укреплению правопорядка.

В 1960 г. был принят новый Уголовный кодекс БССР, который продолжил линию усиления борьбы с экстремизмом и антигосударственной деятельностью. В Кодексе были выделены специальные главы, посвященные контрреволюционным преступлениям и преступлениям против государственного порядка, которые предусматривали наказание за такие деяния, как вооруженные восстания, террористические акты, распространение контрреволюционной пропаганды и другие действия, направленные на подрыв государственной власти [2, с. 117].

Таким образом, в уголовном законодательстве БССР государственные преступления занимали особое место, подчеркивая приоритет защиты государства и его интересов. Категория этих преступлений служит отражением особенностей советской правовой системы, с ее акцентом на поддержание государственной безопасности и стабильности.

Произошедшая в 1990-е гг. политико-правовая и социальная трансформация государства и общества задала для Республики Беларусь вектор развития как унитарного демократического социального правового государства. Только на современном этапе развития государства Законом Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» было законодательно закреплено понятие «экстремизм» («экстремистская деятельность»).

Противодействие экстремизму в первую очередь нацелено на сохранение государственного суверенитета и конституционного строя. Эта цель остается центральной на протяжении всей истории правового регулирования данной сферы, отражая необходимость защиты государственной целостности и стабильности. До этого момента многие действия, которые сегодня могли бы быть классифицированы как экстремистские, рассматривались сквозь призму других правовых категорий, таких как преступления против князя в период ВКЛ, контрреволюционные преступления или деяния против общественного порядка и государственной безопасности в советский период.

Ретроспективный анализ законодательства позволяет выделить несколько ключевых этапов в становлении и развитии понятия экстремизма на территории Республики Беларусь, включая период Древней Руси, где подобные действия обычно касались преступлений против государственной власти, периоды ВКЛ, Речи Посполитой, Российской империи, где под экстремистскими действиями понимались в основном деяния против правителя, а также советский период, который ознаменовался систематизацией подходов к преступлениям против государственной стабильности с особым акцентом на контрреволюционных преступлениях и защите государственного устройства.

Рассмотренные исторические этапы показывают, что в каждый период истории подходы к определению и борьбе с экстремизмом были обусловлены социально-политическими условиями и государственной политикой в области безопасности. Однако, как и в современной Республике Беларусь, стратегическим приоритетом законодательства являлись потребности развития белорусской государственности, обеспечение территориальной целостности и суверенитета, незыблемости конституционного строя. В целом эволюция антиэкстремистского законодательства на белорусских землях отражает изменения в общественно-политической жизни государства. Она показывает, как на протяжении веков углублялось понимание природы экстремизма и методов противодействия ему, подчеркивая важность адаптации законодательства к меняющимся условиям и вызовам.

Список использованных источников

1. Вішнеўскі, А. Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск : Акад. МУС, 2003. – 319 с.

2. Довнар, Т. И. История государства и права Беларуси : учеб. пособие / Т. И. Довнар, Е. И. Орловская. – 2-е изд., стер. – Минск : БГУ, 2020. – 191 с.
3. Доўнар-Запольскі, М. В. Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі / пер. з рус. мовы Т. М. Бутэвіч [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – 509 с.
4. Каханойскі, А. Г. Гісторыя Беларусі другой паловы XIX – пачатку XX ст. / А. Г. Каханойскі ; Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : БДУ, 2017. – 251 с.
5. Круталевіч, В. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917–1945 гг.) : вучэб. дапам. / В. А. Круталевіч, І. А. Юхо. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 238 с.
6. Юхо, И. А. История юридической науки Беларуси / И. А. Юхо, С. Ф. Сокол. – Минск : Белорус. негос. ин-т правоведения, 2000. – 95 с.
7. Исаев, И. А. История государства и права России : учебник / И. А. Исаев ; под ред. Т. С. Парфеновой. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2003. – 768 с.
8. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. – 1984. – 430 с.
9. Томсинов, В. А. Основные черты юриспруденции западно-русского государства – Великого княжества Литовского / В. А. Томсинов // Законодательство. – 2005. – № 7. – С. 80–86.
10. Минеева, И. А. «Устав благочиния» как начало системной регламентации полицейской службы / И. А. Минеева // Право и практика. – 2022. – № 2. – С. 5–9.
11. Ефименко, И. А. Составы политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / И. А. Ефименко // О-во и право. – 2010. – № 4. – С. 55–58.
12. Варихов, С. В. Исторический анализ уголовно-правового противодействия экстремизму / С. В. Варихов // Вестн. Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2012. – № 2. – С. 89–92.
13. Биюшкина, Н. И. Юридический анализ отдельных аспектов положения «о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 года / Н. И. Биюшкина // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2010. – № 2. – С. 14–19.
14. Петрянин, А. В. Особенности уголовной ответственности и наказания за преступления экстремистской направленности в период становления советского государства / А. В. Петрянин // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2012. – № 17. – С. 82–87.

Дата поступления в редакцию: 23.05.2024

УДК 343.98

Г. А. Павловец, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь
e-mail: pga241083@mail.ru;

Т. Н. Уласевич, оперуполномоченный группы по борьбе с экономическими преступлениями криминальной милиции отдела внутренних дел Клецкого районного исполнительного комитета
e-mail: tim.ulas@mail.ru

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЗАДЕРЖАНИЯ ПО НЕПОСРЕДСТВЕННО ВОЗНИКШЕМУ ПОДОЗРЕНИЮ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТРЕБУЕТ УТОЧНЕНИЯ

Рассматриваются существующие проблемы в регламентации отдельных мер уголовно-процессуального принуждения. Акцентируется внимание на порядке задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления. Проводится системный анализ соответствующих норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь. На основе проведенного анализа и обобщения результатов практической деятельности выносятся предложения по совершенствованию правового регулирования порядка задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления. Обосновывается внесение изменений в уголовно-процессуальный закон в целях решения законодательно закрепленных задач органов уголовного преследования и устранение имеющихся противоречий в реализации института задержания.

Ключевые слова: задержание, порядок задержания, задержанный, подозреваемый, объяснения, статус, возбуждение уголовного дела.